

ГАСТРОЛИ ТУЛЬСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ГОРЬКОГО

ТУЛЬСКИЙ САМОЦВЕТ

КАКИХ только нет на свете самоцветов! Все оттенки зари может отразить рубин... На раннюю луговую зелень похож изумруд... Как черные глаза красавицы, глядит на нас яшма... Но самоцветы — это не только дары природы. Самоцветы могут быть и в искусстве. Это дары таланта.

Таким самоцветом, переливающимися разными оттенками, сверкающим разнообразными гранями, стал для владимирского зрителя спектакль «Тульский секрет», которым открыл свои гастроли в областном театре драмы имени Луначарского Тульский драматический театр имени М. Горького.

Нельзя сказать, чтобы инсценировка В. Константинова и Б. Рацера, взявшая в свою основу знаменитый сказ Н. Лескова о тульском мастере Левше, была совершенно по своим драматургическим качествам. Но представленный спектакль ярко говорит о волшебной силе постановочного коллектива. «Живая вода» режиссерского искусства, мастерство художника, балетмейстера, концертмейстеров, вокалистов буквально воскрешают каждую сцену. И спектакль начинает светиться многими гранями самоцвета — и интересной режиссерской выдумкой, и оригинальным художественным решением, и песнями, и плясками, и актерским мастерством.

Режиссер, главный режиссер театра Р. П. Рахлин, задумал спектакль как своеобразный мюзикл, в котором народная основа все время переплетается с основой эстрадной. И музыка в этом плане становится как бы действующим лицом спектакля (композитор В. Дмитриев). С одной стороны, она оттеняет лирическую, народную суть Левши и других тульских чудо-мастеров, с другой стороны — гротесковыми ритмами подчеркивает антинародную сущность царя-батьки и его прихвостей-министров.

На первый взгляд может показаться странным соседство

народных и эстрадных мелодий. Но нельзя забывать о многогранности этого тульского самоцвета, о его несомненной парадоксальности. Эти парадоксы встречаются на каждом шагу. То зритель увидит в руках старинных английских мастеров новейшую радиотехнику, то услышит из уст героев пьесы рассуждения о самолетах... Ну прямо как в «Принцессе Турандот». За внешней нелепостью такого приема кроется глубокий смысл. Это как бы приближает спектакль к зрителю, сталкивает в контрасте разные исторические категории. Следовательно, в таком спектакле вполне уместны и музыкальные парадоксы.

Как и музыка, своеобразными действующими лицами, подчеркивающими единство замысла, являются и художественное оформление (художники Е. Чайко и М. Гран) и свет, и даже костюмы. Помните, как лиричен «городской пейзаж» старой Тулы! Выполненный в духе старинных плоскостных изображений, он привлекает своей мягкостью и непосредственностью. А как впечатляет свет, пронизывающий сцену каким-то приподнятым, радостным мироощущением в момент завершения удивительной работы тульских мастеров! И наоборот, несмотря на внешнюю яркость оформления русского и английского правящих дворов, выглядят они мизантропами, аляповатыми, мрачными. А как причудливы, смешны костюмы вельмож и, наоборот, простые костюмы скоморохов и простолюдинов!

Спектакль наполнен до краев песнями и музыкой (концертмейстеры Т. Крамарева, И. Казакова, В. Отман, музыкальный руководитель Г. Гиндес). Много в спектакле веселых, увлекательных музыкальных номеров. Но ведь не ради простого развлечения поставлен этот спектакль, хотя и это очень важно.

На какой же главной мысли концентрирует он внимание зрителя? Присмотритесь к по-

ведению Левши и его друзей, с одной стороны, и царя и его лакеев — с другой. Первые словно бы ничем не афишируют своего патриотизма, своей горячей преданности Родине. И сначала может показаться, что Левша поехал в Лондон ради своей невесты Машки (отец ее, купец, не хотел выдавать дочь за бедняка). И наоборот, царь-государь и его придворные не жалеют пышных слов, чтобы поговорить о величии и престиже России. Но на деле оборачивается, что все их словословие — пустота, что истинными патриотами являются не те, кто велеблещит о своей любви к Родине, а те, кто скромно и незаметно делает свое дело. Престиж не в блохе, подчеркивает в ответ на разглагольствования царя Левша. Истинный престиж Отчизны не в показухе, не в фокусах, а в настоящем большом труде, в прогрессе.

Итак, спектакль утверждает истинный патриотизм и разоблачает лжепатриотов и пустословов. В этом, думается, его главное направление.

Наверное, было бы неправильно назвать «Тульский секрет» спектаклем о Левше. Это скорее спектакль о тульских мастерах, являющихся частью русского народа. Поэтому основным образом, основным героем здесь является народ, трудолюбивый и дружный, веселый и гордый, негиббемый в беде и в горе, готовый постоять за себя. Но все же нельзя не отметить артиста О. Есауленко, очень тактично, в лирико-народном плане исполняющего роль Левши. Артист нигде не «нажимает», ведет роль с предельной естественностью. В его трактовке Левша не какая-то выдающаяся личность, а обычный скромный человек, совершенно не думающий о своей незаурядности. Под стать ему и другие мастера — Фрол и Пахомыч (артисты Б. Кириллов и А. Бибиков), спокойные, уверенные в себе люди, беззаветно любящие труд. Привлекает подлинно русской простотой,

открытостью образ Маши (заслуженная артистка РСФСР А. Соловьева). Все эти люди и есть обладатели тульского секрета: «Тот секрет простой, нет в нем новости: делать все с душой да по совести».

И сама трактовка ролей в спектакле подчеркивает основной конфликт. Если представители народа подаются в мягком лирическом плане, то царь и его «монстры» — в острой сатирической, гротесковой форме. Чего стоит атаман Платов (артист В. Говалло). По внешнему виду это настоящий Бармак, одетый в генеральскую форму. Выдает он себя за простецкого рубачку, защитника Отечества. В действительности же это царский прислужник, грубый и беспощадный к простым людям, лизоблюд и подхалим на царском дворе. И если Платов обрисован разноцветной, бьющей в глаза артистической гаммой, то царь (заслуженный артист РСФСР В. Коробкин) нарисован скупыми, пастельными красками, царь не повышает тона, не кричит, артист не изводит его до дурачка, как это часто делается. Тем не менее весь рисунок роли метко бьет в цель, показывая нравственную пустоту монарха.

Контраст лирических и сатирических начал заостряет конфликт спектакля.

Невозможно сколько-нибудь подробно проанализировать все компоненты этого большого музыкального спектакля. Наряду с драматическими, оркестровыми, вокальными здесь много интересных хореографических картинок. Нельзя забыть, например, красочно поставленную сцену кулачного боя, танцы блохи (балетмейстер А. Голышев).

Спектакль поставлен в условной манере. А всякая условность требует большого чувства меры. И нам кажется, здесь всюду соблюдается мера условности, которая заставляет верить, что перед тобой не джсукая выдумка, а жизнь.

П. ШЕРЫШЕВ.